

Британская имперская стратегия на Дальнем Востоке и проблема безопасности Австралии в 1920-30-е гг.

В статье рассматривается дискуссия военно-политических кругов Австралии по вопросам национальной безопасности в рамках имперской стратегии Великобритании в межвоенный период 1920-1930-х гг.

Ключевые слова: Британская империя, Австралия, Сингапур, военное строительство, британский флот, вооруженные силы Австралии.

Среди всех британских доминионов стратегическое положение Австралийского Союза отличалось наибольшей уязвимостью, что и предопределяло его растущее внимание к проблемам обеспечения собственной безопасности. С середины 1920-х гг. ключевым звеном имперской обороны на Дальнем Востоке считалась военно-морская крепость Сингапур, которая после завершения строительства должна была обеспечить британскому флоту возможность установления эффективного контроля в западной части Тихого океана.

Австралийское руководство в целом положительно отреагировало на новую концепцию имперской обороны. В частности 20 августа 1923 г. Совет обороны согласился с мнением командующего ВМС доминиона о том, что "Австралия получит достаточную защиту".¹ Однако если официально сингапурская стратегия получила одобрение, то ряд военных специалистов, а также политиков, практически сразу высказали сомнения в ее обоснованности. Определенную роль в этом сыграл начальник мобилизационного отдела Генштаба подполковник Г. Уинтер. В 1926 г., в одной из своих публичных лекций он отметил, что в случае обострения ситуации в Европе Великобритания не сможет отправить сильный флот на Дальний Восток, а это создало бы опасность вторжения на пятый континент.² Мнение Уинтера разделяли военный министр Г. Пирс, генералы Г. Чауэл и Дж. Брюше, начальник оперативного отдела Генштаб полковник Дж. Лаварак, выступавшие за развитие сухопутной армии согласно программам, принятым после Первой мировой войны. Среди политиков особенно активно эту точку зрения поддерживали лидеры лейбористской партии. Зависимость от метрополии в области обороны они рассматривали как препятствие процессу обретения доминионом национального суверенитета, который подразумевает "возможность государства обеспечить оборону своей территории и защиту своих интересов за ее пределами"³. Подобные настроения не были уникальными для Австралии. Аналогичные процессы шли и в других частях Британской империи, развивающихся по пути автономизации.⁴ В частности проблема национальных вооруженных сил являлась одним из аспектов процесса формирования национальной идентичности в Канаде второй половины XIX – начала XX вв.⁵

Таким образом, вопрос о стратегическом значении сооружавшейся на о. Сингапур военно-морской базы обнаружил в руководстве Австралийского Союза наряду с традиционным взглядом на обеспечение безопасности страны более современный подход, которому было свойственно критическое отношение к ситуации, складывавшейся в международных отношениях. Принятое в итоге решение вполне адекватно отразило создавшееся положение. Признавая важность Сингапурской базы, доминион все же отказалось финансировать ее сооружение (в отличие от Новой Зеландии) и заявил о намерении содействовать укреплению имперской обороны путем наращивания собственных вооруженных сил, и в первую очередь военно-морского флота.

Дальнейшее развитие событий лишь стимулировало стремление ряда военных и политиков Австралии к пересмотру концепции обороны в регионе. На собравшемся в рамках Имперской конференции 1930 г. совещании начальников штабов было высказано пожелание увеличить ответственность доминионов в вопросах обороны, и тем самым снизить чрезмерное давление на британские вооруженные силы, размеры которых за прошедшее десятилетие существенно сократились.⁶ Данное решение совпало с временной приостановкой строительства военно-морской базы на о. Сингапур, что вызвало протест со стороны Канберры и Веллингтона. Более того, подписанное в апреле 1930 г. соглашение об ограничении морских вооружений, которое отложило закладку Великобританией ряда крупных надводных кораблей до 1937 г., сделало еще более сомнительной возможность усиления Сингапура крупным военно-морским соединением. Характерные опасения высказывал в частности генерал Г. Чауэлл, считавший неспособность Британии следовать принципам двойного стандарта создало угрозу не только морским коммуникациям, но и опасность изоляции отдельных частей империи, которые не обладают возможностями для эффективной самообороны.⁷ В этих условиях особенную тревогу вызывала слабость австралийского флота, которая исходила не только со стороны официальных лиц и военных экспертов, но и со стороны общественных кругов. Так члены австралийской Морской Лиги – массовой военизированной организации – в открытом письме премьер-министру призывали его обратить внимание на укрепление ВМС доминиона, т.к. "Австралия не может основывать свою национальную безопасность на неосуществимых заявлениях идеалистически настроенного Лондона".⁸

В начале 1930-х гг. международная обстановка осложнилась. Усиление агрессивности тоталитарных держав, их стремление к пересмотру послевоенного миропорядка, негативно сказались на состоянии имперской обороны в целом и на Дальнем Востоке в частности. Становилось все яснее, что длительная политика ограничения вооружений в сочетании с экономическими трудностями создают реальную угрозу осуществлению сингапурской стратегии. Уже в ноябре 1931 г. на заседании Имперского комитета обороны адмирал Э. Каннингхем заявил, что "невозможно усилить сингапурскую группировку войск авиацией и флотом, поскольку это снизило бы возможность маневра силами и увеличило напряженность в других частях империи".⁹ Подобные суждения, о недопустимости обнажения "сердца империи" высказывали канцлер

казначейства Н. Чемберлен, начальник Имперского генерального штаба А. Монтгомери-Массингберд, а также бывший глава военно-морского колледжа адмирал Р. Вебб.¹⁰

Реакцией в Австралии на изменение военно-политической обстановки стало обострение дискуссии двадцатых годов о стратегии в области национальной обороны. "Традиционалисты", чьи убеждения отстаивали министр иностранных дел Дж. Лэтэм, а также руководство ВМФ, основываясь на мнении официального Лондона, доказывали, что Япония поглощена борьбой в Китае и не рискнет нанести удар в южном направлении. В случае же если война все-таки начнется, Австралии следовало придерживаться прежнего плана обороны: охранять морские коммуникации от рейдов и ожидать прибытия британского флота. Точка зрения их оппонентов, исходя из соображений о слабости британских ВМС и возможности обострения ситуации в Европе, утверждала необходимость укрепления национальной обороны. Это мнение, разделялось практически всеми высшими армейскими офицерами, а также бывшим премьер-министром У. Хьюзом и депутатами от лейбористской партии, призывавшие делать ставку прежде всего на собственные силы. При этом основная дискуссия развернулась между секретарем комитета обороны Ф. Шеденом, который являлся сторонником концепции "океанского флота", и начальником оперативного отдела генштаба полковником Дж. Лаварак, отстаивавшим идею Г. Уинтера об усилении самостоятельности Австралии в области обороны в виду возможного японского вторжения.¹¹ Критиком последнего стал также британский адмирал Г. Ричмонд, бывший директор Имперского военного колледжа, слушателями которого являлись Дж. Лаварак и Ф. Шедден. Он указывал, что господство Великобритании на море избавляет Австралию от любой угрозы. В случае если японского вторжения все же произойдет, Адмиралтейству потребуется гораздо меньше времени для переброски флота в Сингапур, чем японскому командованию для успешного завершения операции на австралийском континенте. Дискуссии о принципах обороны развернулись и в парламенте. Премьер-министр отстаивал сингапурскую стратегию и предлагал усилить флот крейсерами, построенными в Англии. Его оппонентом выступал лидер лейбористов Дж. Скаллин, считавший постройку кораблей на английских верфях неуместной в условиях острой безработицы, а также финансово затратной, в то время как береговая оборона и авиация будут дешевле и эффективней.

Наблюдая за развернувшейся дискуссией и понимая обеспокоенность Австралии, британский комитет начальников штабов в 1932 г. заверил находившегося в Лондоне Дж. Лэтэма в том, что Королевские ВМС по-прежнему являются гарантом обороны империи. Эти заверения сопровождались возобновлением строительства базы в Сингапуре.¹² Однако со временем беспокоиться начали уже в Лондоне из-за усиливающегося стремления доминионов формировать свою политику национальной обороны в ущерб общеимперской. Сотрудник секретариата Имперского комитета обороны полковник Макреди предупреждал о подобной вероятности в июле 1932 г. В апреле 1933 г. Верховный комиссар Австралии в Лондоне комментируя

британскому военному руководству настроения, царившие в австралийских политических кругах, отметил возможные последствия для Великобритании: "Австралия может направить свои ресурсы на развитие собственных сухопутных сил и авиации в ущерб развитию флота, как того желают в Лондоне. А это, в свою очередь, означало бы увеличение военных расходов метрополии".¹³

После парламентских выборов в январе 1932 г. новый кабинет министров, во главе с лидером либерально-аграрной коалиции Дж. Лайонсом увеличил ассигнования на оборону с 3 млн. ф.ст. в 1932-33 г. до 7 млн. в 1935-36 г. При этом средства направлялись не только на усиление флота, для чего в частности в Сиднее было заложено строительство крупного сухого дока, но и на развитие авиации и системы ПВО, на укрепление береговой обороны, создание баз на Соломоновых о-вах, которые в случае войны с Японией должны были сыграть роль буфера. Кроме того, в сентябре 1933 г. министр обороны Дж. Пирс озвучил программу модернизации сухопутных сил, на тот момент состоявших по большей части из территориальных формирований.¹⁴ При этом начальник оперативного отдела подполковник Генштаба Старди указывал коллегам, что в случае неожиданного начала войны слабо подготовленным, плохо вооруженным новобранцам противостояла бы профессиональная японская армия.¹⁵ Однако предпринятые меры не означали, что военно-политическое руководство Австралии пересмотрело свои взгляды на роль Сингапура как главной опорной базы имперской обороны на Дальнем Востоке. Данная программа носила компромиссный характер, в очередной раз отразив последствия дискуссии по вопросам стратегии.

Сомнения доминиона в способности метрополии гарантировать их безопасность вызывали у Лондона определенную озабоченность. Желая успокоить партнеров, правительство С. Болдуина в конце 1934 г. направило Секретарь Имперского комитета обороны М. Хэнки в поездку по доминионам. Он ознакомил их правительства с "новыми основными принципами британской стратегии", заявив, что первым приоритетом имперской обороны является обеспечение морского превосходства. Встретившись с критиками сингапурской стратегии, Хэнки заверить их, что главные силы флота сконцентрированы не в морях, омывающих метрополию, оборона которой в списке стратегических приоритетов стоит после морских коммуникаций, а в Средиземном море, откуда они при необходимости будут направлены на восток, даже если в Европе разразится полномасштабный кризис.¹⁶ Однако на вопрос о текущем усилении тихоокеанского соединения новыми кораблями Хэнки ответил уклончиво, предложив обсудить это на новой имперской конференции.

Несмотря на первоначальный успех, миссия М. Хэнки не дала долгосрочного эффекта. После того, как в 1935 г. Дж. Лаварак занял пост начальника Генштаба дискуссия и противостояние двух концепций национальной обороны продолжились. О напряженной ситуации свидетельствует конфликт Г. Уинтера, к тому времени начальника управления военной подготовки, и военного министра А. Паркхила. За прошедшие десять лет взгляды Уинтера на сингапурскую стратегию и нужды национальной обороны только окрепли. Они были хорошо известны законодателям, а в ноябре

1936 г. эти аргументы использовались лидером оппозиции лейбористом Дж. Кёртином для критики военно-политического курса либерально-аграрной коалиции. Раздраженный военный министр понизил Уинтера в должности. Кроме того, он отозвал свою рекомендацию о награждении Лаварака орденом Бани. Однако продолжавшаяся критика со стороны лейбористов заставила заменить и самого военного министра.

К осени 1937 г. наметились шаги к примирению сторон. Как подчеркивал командующий ВВС доминиона вице-маршал авиации Р. Уильямс интересы Австралии требовали достижения консенсуса и повышения эффективности работы всех военных ведомств.¹⁷ Определенным результатом улучшения взаимопонимания стала принятая в 1938 г. доктрина национальной обороны, состоявшая как из имперского, так и локального компонентов.¹⁸

Начало Второй Мировой войны вооруженные силы Австралии встретили в весьма далеком от завершения своей модернизации. Сухопутные войска, состоявшие из милиционных формирований численностью 37 тыс. человек еще предполагалось развернуть в 4 пехотных и 2 кавалерийских дивизии. Стрелковое и артиллерийское вооружение устарели. Бронетанковые части только зарождались. Имелась всего лишь одна танковая рота, насчитывавшая 11 машин легкой конструкции. Не лучше обстояло дело и в авиации, имевшей в свое составе около 120 самолетов, ни один из которых не отвечал современным требованиям.¹⁹ В более благоприятном положении находились лишь военно-морские силы, ядром которых был отряд из 5 крейсеров.

Британское руководство вплоть до начала войны уверяло Австралию в действенности своих гарантий. 20 марта 1939 г. Н. Чемберлен телеграфировал Дж. Лайонсу: "Если в ходе войны с Германией и Италией против нас выступит и Япония, правительство Великобритании по-прежнему будет намеренно послать флот в Сингапур".²⁰

Неудовлетворительно состояние обороны Австралии явилось, таким образом, следствием ряда факторов, среди которых давление стратегических стереотипов и неадекватная оценка Великобритании своих возможностей занимали особое место.

¹ Horner D. Australian Army Strategic Planning Between the Wars. [Electronic resource] / Horner D. / Serving vital interests: Australia's strategic planning in peace and war: proceedings of the Australian Army History Conference held at the Australian War Memorial, 30 September 1996. Available: http://www.army.gov.au/ahu/docs/Serving_Vital_Interests_Horner.pdf. — [Date of release: 21 November 2008; date of access: 5 December 2010]. — Title from the screen.

² Long G. Australia in the War of 1939–1945. Series 1 – Army. Vol. 1. To Benghazi. Canberra: Australian War Memorial, 1961. Pp. 8–9.

³ The Sydney Morning Herald, 6 May 1931.

⁴ См.: Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996.

⁵ См.: Нохрин И.М. Общественно-политическая мысль Канады в 70 – 90-е гг. XIX века: поиск национальной идентичности и проблема имперского единства // Вестник Челябинского государственного университета, серия "История". Вып. 32. 2009, №16. С. 100-108.

⁶ Spencer A.M. A third option: imperial air defense and the pacific dominions, 1918-1939. / A.M. Spencer: A Dissertation ... Doctor of Philosophy. – Alabama, 2008. P. 246-247.

⁷ Evening Post, Volume CX, Issue 77, 27 September 1930, Page 9.

⁸ The Sydney Morning Herald, 26 June 1929. Письмо стало реакцией на решение правительства о сокращении численности ВМФ, так как "нынешняя эскадра слишком велика для выделяемых на ее обслуживание средств".

⁹ Spencer A.M. P. 261.

¹⁰ Ibid. P. 281. Hamill I. The strategic illusion the Singapore strategy and the defence of Australia. Singapore, 1981. Pp. 241, 235.

¹¹ Dennis P. Heading For Disaster? Australia and the Singapore Strategy. [Electronic resource] / Dennis P. // Materials of Fall of Singapore 60th Anniversary Conference National University of Singapore, 2002. Available: <http://www.abc.net.au/4corners/specials/noprisoners/viewpoints/dennis.htm>. — [Date of release: 2002; date of access: 5 December 2010]. — Title from the screen.

¹² Однако в Лондоне отказались сделать соответствующее официальное заявление, т.к. оно шло в разрез с провозглашенной политикой разоружения. В силу этого реальные шаги Лондона в области военного строительства оказались отложенными до 1933 г.

¹³ Hamill I. P. 234-234.

¹⁴ The Sydney Morning Herald, 26 September 1933.

¹⁵ Horner D. Crisis of Command: Australian Generalship and the Japanese Threat 1941–1943. Canberra, 1978. P. 16.

¹⁶ Hamill I. P. 252-254.

¹⁷ Ibid. P. 263.

¹⁸ Hankey M., Conference Diplomacy. London, 1946. P. 139-140.

¹⁹ Clayton A. The British Empire as a Superpower, 1919-1939. Athens, 1986. P. 303.

²⁰ Батлер Б. Большая стратегия, сентябрь 1939 – июнь 1941 гг. М., 1959. С. 309.